

Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
Петербургский институт иудаики

ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В XX ВЕКЕ

Материалы международной научной конференции

Санкт-Петербург
2006

Наталья Сарафанова (Москва)

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУГОМ: ПУБЛИКАЦИЯ ПИСЕМ С. ЕСЕНИНА В ЖУРНАЛЕ ИМАЖИНИСТОВ «ГОСТИНИЦА ДЛЯ ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ В ПРЕКРАСНОМ»

В 1920 г. В. Шершеневич в своей книге «2х2=5. Листы имажиниста» определяет имажинизм как «зарождение нового, внеклассового, общечеловеческого идеализма арлекинадного порядка»¹. Эта формулировка действительно вполне отражает основные творческие и поведенческие кредо имажинистов в 1919–1921 гг.².

Однако в 1922 году имажинизм переживает кризис: и без того непростые отношения с властью усложняются введенной цензурой, вынужденно закрываются кафе имажинистов «Стойло Пегаса» и издательство «Имажинисты», С. Есенин и А. Кусиков уезжают за границу. Кроме того, имажинисты осознают, что образотворчество и эпатаж становятся штампованной визитной карточкой группы и не выведут их на большую литературную арену, что необходимо изменить поэтические и теоретические задачи Ордена имажинистов. Группа приходит к выводу о необходимости создания более солидной теоретической и эстетической базы, осуществляет попытку отодвинуть на второй план балаганную эстетику и теорию образа как самоцели. Для многих имажинистов все большую значимость начинает приобретать театр, который вытесняет их «арлекинадные» выступления и выходы. Возможно, такое преобразование имажинизма имеет не только вышеперечисленные внешние, но и внутренние причины, обусловленные особой природой смеха, которая связана, по определению Д. С. Лихачева, «с особым самовозрас-

¹ Шершеневич В. 2х2=5: Листы имажиниста // Литературные манифесты от символизма до наших дней. Сост. С. Б. Джимбинова. М.: 2000. С. 252–253.

² В имажинизме как явлении литературного процесса принято выделять несколько этапов: доорганизационный период (1913–1918), период создания и расцвета группы (1919–1922), период внутригрупповой полемики и перестройки при участии Есенина (1922–1924), постесенинский период (1924–1927). В данной достаточно распространенной классификации обращает на себя внимание тот факт, что творчество имажинистов рассматривается до сих пор во многом под есенинским углом зрения. Имажинизм и сейчас нуждается в защите своей самостоятельности и самоценности вне зависимости от участия в группе громких имен. Вопрос об имажинистском периоде в творчестве Есенина затрагивался уже давно, но при такой постановке проблемы предполагается, что имажинизм находился в преувеличенно большой зависимости от участия Есенина. Более объективной представляется классификация, предложенная И. Яжембиньской: доорганизационный период (1913–1918), активная деятельность (1919–1921), попытка обновления программы (1922–1924), формальное и коммерческое существование группы (1924–1927) (*Яжембиньска И.* Русский имажинизм как литературное явление. Автореф. дисс.... канд. фил. наук. Л.: 1986. С. 3). Последний период было бы более верно определить как период постепенного распада группы в силу различных причин — коммерческими интересами эти годы существования группы не ограничиваются. Таким образом, журнал «Гостиница для путешественников в прекрасном», о котором речь пойдет выше, полностью укладывается в третий период имажинизма и представляет собой определенный этап в деятельности группы.

танием темы, с театрализацией», что приводит к созданию «грандиозных смеховых действий — не к простому карнавалу, а к тематическому действию, в котором, естественно, постепенно утрачивалось само смеховое начало. (...)... смеховой мир всегда балансирует на грани своего исчезновения»¹.

В то же время уместно говорить об инерции смеха у имагинистов. «(...) «смеховая работа» имеет и свою инерцию, — отмечает Лихачев. — Смеющийся не склонен останавливаться в своем смехе. Характерна в этом отношении типично русская форма смеха — балагурство (...). Плохо, если тот, кто взялся балагурить, остановился на первой своей шутке. Балагур как бы принимает на себя обязанность балагура (...). Он должен выдержать свою роль балагура как можно дольше и «непрерывнее». В конце концов за ним устанавливается репутация балагура, и от него постоянно ждут шуток (...). Балагур становится как бы актером в театре, где играют и сами зрители, подыгрывают во всяком случае»². В такой ситуации «самовозрастания темы» и инерции «смеховой работы» оказался имагинизм в 1922–1924 гг. На примере журнала имагинистов «Гостиница для путешествующих в прекрасном»³ можно увидеть это сознательное перестраивание имагинизма на новый лад. Рассмотрим конкретный частный пример — публикацию переписки С. Есенина и А. Мариенгофа.

Журнал имеет определенную структуру: от манифеста в начале номера до критических рецензий на новые книги в конце, обязательны для каждого номера также теоретические статьи по теории имагинизма, статьи об искусстве и собственно художественные тексты (поэзия и проза). Публикация переписки Мариенгофа и Есенина составляет отдельную рубрику первых двух номеров журнала. В 1922 г. Есенин уезжает за границу. В знак теплой дружбы к нему Мариенгоф печатает в первом номере журнала три письма Есенина из Европы. Два из них адресованы самому Мариенгофу (условно назовем их письма №1 и №3), а еще одно — А. М. Сахарову — другу Есенина, издательскому работнику, помогавшему ему печататься (письмо №2). Сначала было написано письмо Сахарову, а потом другие два, адресованные Мариенгофу. Но редактор (фактическим редактором «Гостиницы» был Мариенгоф, несмотря на то, что на обложке первых двух номеров ответственным редактором значится Н. Савкин) решил разбить свои письма третьим. Во втором номере публикуется ответ Мариенгофа на адресованные ему два письма, напечатанные в предыдущем номере (это письмо Мариенгофа превосходит по объему все три есенинских). Третий выпуск журнала вышел уже при личном участии в его подготовке Есенина, который на тот момент

¹ Лихачев Д. С. Смех как мировоззрение // Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. СПб.: 2001. С. 372.

² Там же. С. 370.

³ Журнал способствовал постановке и решению группой литературных и общекультурных задач, связанных с разными видами искусства, служил ареной для литературной полемики и должен был дать имагинизму новый поворот в развитии. Также «Гостиница» открывала ряд новых имен, по-разному участвовавших в деятельности группы. Журнал должен был способствовать пропаганде творчества имагинистов, которая с каждым годом все больше затруднялась в условиях становления новой советской литературы.

вернулся из заграницы, а при подготовке четвертого номера Есенин заявил об отказе сотрудничать с «коллегией имажинистов»¹, так что эпистолярная страничка журнала отпала сама собой.

Публикация писем должна была привлечь и удивить читателей самим фактом обнародования интимной личной переписки. Причины, побудившие Мариенгофа это сделать, он сам объясняет в своем письме, опубликованном во втором номере журнала — это желание нарушить устоявшийся ход литературной жизни, желание преступить не только журнальные, но и моральные каноны. Это привычный ход привлечения внимания публики для имажинистов в период расцвета их творчества. Сохранен в письме и вызывающе-эпатажный стиль имажинизма тех лет: «Известно ли тебе, что все твои письма или почти все, т. е., которые величиной хотя бы несколько превосходили куриный нос, напечатаны в «Гостинице»? Думаю, это не очень тебя рассердит. В конце концов, почему и не предупредить события? Ведь мы же с тобой не двадцатипятилетние подагрики из какого-нибудь литературного «звена», чтобы играть в слащавенькую невинность! Добрая литературная традиция требует от этих «человеческих» документов двадцатипятилетнего лежания — либо в глубоком ящике огромного дубового письменного стола, либо в шкатулке красного дерева со старыми инкрустациями. Но ведь ты хорошо знаешь, что в моей (...) комнатке на Богословском нет ни такой шкатулки красного дерева со старыми инкрустациями, ни дубового письменного стола с выдвигаемыми ящиками. (...) О, эти каналы — письма прекрасно знают свою судьбу! Каждая строка, всякое слово в них, даже самого интимного свойства, не в силах скрыть губительной жажды — типографских красок, плоской машины, острого корректорского карандаша (но, увы! без последней авторской правки)»². Несмотря на то, что автор опубликованных в первом номере писем был на момент публикации жив, есенинской правки писем в «Гостинице» нет. Зато есть мариенгофская³.

Мариенгоф приводит неполный и в некоторых местах исправленный текст корреспонденции Есенина. Публикатор убирает все многочисленные просьбы Есенина позаботиться о его сестрах, прежде всего, материально. Вообще, решение всех денежных проблем (о пересылке денег, всевозможной денежной помощи и т. д.) осталось вне печати. Известно, что одной из причин разлада Есенина с группой была ссора с самым близким на тот момент другом и участником Ордена Мариенгофом. Пока Есенин был за границей, Мариенгоф находился в очень бедственном положении, есть свидетельства, что ему и его

¹ Об этом Есенин заявил 7 апреля 1924 г. в обращении «В правление ассоциации вольнодумцев»: «В журнале же «Гостиница» из эстетических чувств и чувств личной обиды отказываюсь участвовать окончательно, тем более, что он мариенгофский». — *Есенин С. А. Собр. соч.* в 6 т. Т. 6. М.: 1980. С. 142. Возможные зачатки этой «личной обиды», как видим, можно проследить еще в 1923 г.

² *Мариенгоф А.* Письмо С. Есенину // *Гостиница для путешественников в прекрасном*, №2, С. 7. Пунктуация писем здесь и далее не соблюдена.

³ Невыбранные Мариенгофом места из писем приводятся по изданию: *Есенин С. А. Собр. соч.* в 7 т. Т. 6. М.: 1997. С. 138 — 147. В автографе письма № 1 мариенгофская правка отмечена плохо заточенным красным карандашом. В скобки взяты не вошедшее в «Гостиницу» абзацы («К тебе... невозможно» и «Черный Мартышан!... прраз-гениально-о!»), а также упоминание о Клопикове.

беременной жене, А. Б. Никритиной, приходилось голодать. Деньги, полагавшиеся Есенину от выручки из имажинистской «Книжной лавки художников слова», Мариенгоф с женой, по-видимому, проживали сами и ничего не пересылали сестре Есенина, Екатерине¹. Даже иронические просьбы «навыворот», где, кстати сказать, есть только намек на денежную сторону самой просьбы, оказались «за кадром»: «Мил государь! Прошу тебя не оставить втуне за не... бо... просьб моей сестры. Делай ей гадости и словом и делом» (№ 3).

Та же участь постигла и несколько упоминаний о жене Мариенгофа, которую Есенин шутливо называет «черный Мартышан» и «Мартын». Упоминания эти носят личный и дружески-насмешливый характер, иногда выставляют Мариенгофа с не вполне выгодной стороны: «Ты тоже сволочь из сволочей. Как тебе не стыдно, собаке, — залезть под юбку и забыть самого лучшего друга. Мартын — это одно, а я другое» (№ 3). Редактор вымарывает и целый шутливый абзац, обращенный к его жене. Сугубо личные отношения с Есениным Мариенгоф пытается скрыть, насколько это вообще возможно при публикации частной переписки. Например, вместо фамилярно-ласкового «Толенок» (при обращении) печатает нейтральное «Толик». Пропущены и дружеские приветы-подзатыльники из первого письма. Поэтому строки «самого интимного свойства», как бы они ни жаждали «типографских красок», остались необнародованными в «Гостинице». В то же время Мариенгоф позволяет себе оставить следующую есенинскую фразу: «Дюжину писем я изволил отправить к Вашей сволочности, и Ваша сволочность ни гу-гу» (№ 3). В самом деле, что здесь особенного? Автор письма в довольно грубой форме бранит адресата за то, что тот не отвечает на письма. Только и всего. Ничего личного, кроме приятельской грубости, читатель здесь не увидит. Иное дело, если узнают, что Есенин обвиняет Мариенгофа в том, что тот забыл своего друга, т. к. залез «под юбку» к жене.

Редактирует Мариенгоф и стиль писем. Например, опускает абсценную лексику и даже намеки на мат — выражения типа «разз — эт-твою» (№ 3), «просто хочется послать это все к этой матери» (№ 1), опускаются две последние строки «гоголевской приписки» (№ 2). Не допускаются к печати и некоторые грубости, которые, очевидно, Мариенгоф посчитал слишком эксцентричными. Иногда ради такого сглаживания текста Мариенгоф просто обрывает фразу: «Птгчки <какают с разрешения и> сидят где им позволено» (№ 2); «Да, прав, он этот проклятый Эрдман, передай ему за это тысячу поцелуев <и скажи, что у такого юноши, как я недавно оторвался маятник от циферблата живота. Часовой механизм попортился>» (№ 3; намек на строки из физиологически описательного стихотворения Н. Эрмана «Авто-

¹ Есть свидетельства о том, что Е. А. Есенина неоднократно требовала у Мариенгофа положенных денег (Бениславская Г. А. Воспоминания // С. А. Есенин: Материалы к биографии. М.: 1992. С. 79). В то же время Есенин сам писал сестре, чтобы, в случае нужды, она «нажимала всегда на Мариенгофа» (см., например, письмо Е. А. Есениной от 10 августа 1922 г. // Есенин С. А. Собр. соч. Т. 6. С. 130). Иначе представлены причины ссоры в «Романе без вранья» Мариенгофа. Однако ни воспоминания Бениславской, ни воспоминания Мариенгофа не могут быть признаны абсолютно достоверными источниками фактов биографии Есенина.

портрет»). Не напечатанным остается и сообщение автора посланий о том, что он «пока утонул в сортире с надписью на стене...» (№2). Безусловно, эти купюры — дань цензуре. Есть, однако, все основания предполагать, что, помимо цензуры внешней, для имажинистов усилилась цензура внутренняя, т. к. смена политической и литературной ситуации привела, как уже говорилось выше, к самопереориентации имажинизма на новый лад.

Не печатает Мариенгоф и финальную фразу третьего письма: «Где бы я ни был, твои письма меня не достанут». Эта купюра не вполне понятна, так как не только стиль этого есенинского письма, но стиль первого номера «Гостиницы» имеет определенный пафос мнимого отрицания. Ср. в том же письме Есенина: «... из-за того, что Вы мне противны, за то, что Вы не помните меня, я с особым злорадством перевел Ваши скандальные поэмы на английский и французский языки...». Номер же открывается манифестом-передовицей под названием «Не передовица». Возможно, Мариенгоф посчитал, что подобных шуток уже более чем достаточно, нужна мера. Подобные идеи об избыточности смеха у имажинистов в 1919—1921 гг. маловероятны.

Особый интерес представляют купюры, касающиеся творческой и издательской деятельности имажинистов. Не вошла в печатный вариант фраза Есенина «Очень много думаю и не знаю, что придумать» (№1) — ни имажинизм, ни имажинисты не имели права на творческий кризис, издание собственного журнала должно было быть наглядным тому подтверждением. В одном из писем (№3) редактор выпускает из текста указание на тираж переводов имажинистов, осуществляемых за границей (якобы 6000 экземпляров; тем более, что в предыдущем опубликованном послании Сахарову Есенин упоминал заграничный тираж в 500 экземпляров как самый большой)¹. Таким образом, если в письмах Есенина описание его литературной и книгоиздательской деятельности за границей носит грустно-иронический характер, то редактор, оставляя сожаления автора о равнодушии Европы к русской литературе и культуре, переводит иронию в серьезный тон. Прежний смех над самим собой и имажинизмом у Мариенгофа теперь не приветствуется (то ли было в 1919—1921 гг., в эпоху расцвета имажинизма!). Иногда редактору приходится сокращать абзац наполовину, и юмора, соответственно, тоже становится в 2 раза меньше: «О, я узнал теперь, что вы за каналы, и в следующий раз вам как в месть напишу обязательно по-английски, чтоб вы ничего не поняли. <Да, напишу обязательно will have happy

¹ В первом письме Есенин с насмешкой пишет о том, что собирается издать «переводы двух книжек (...) двух несчастных авторов», объем которых должен составлять то ли 3—2, то ли 32 страницы. Издатели собрания сочинений Есенина 1980 года прочитали «3—2», а 1997 года «32». При нашем просмотре автографа выяснилось, что злополучные цифры написаны на оборотной стороне письма, и чернила с первой страницы проявились на второй. Так что не представляется возможным с полной уверенностью определить, иронизировал ли Есенин над перспективой издания своих и мариегофских переводов за границей, или всерьез собирался выпустить тоненькие брошюрки. С одной стороны, кроме этого упоминания, о попытке подобных изданий ничего не известно, что говорит в пользу версии о прочтении «3—2», с другой стороны, логичней было бы написать в таком случае «2—3». Однако для нашей темы этот вопрос, пожалуй, не так уж и принципиален, т. к. Мариенгоф, подобно разным издателям, мог прочесть это место и как «3—2», и как «32».

impression и подпишусь Sergei Essenin. Что? Съели?>>» (№3). Разумеется, с таким уточнением Мариенгоф попадает в глупое положение.

Оказывается невозможным напечатать и сатиру на продажных газетных критиков — что-то они после этого напишут о самой «Гостинице»? Приходится считаться с критиками и вырезать несколько фраз: «А чтоб Вас больше оскандальить, подкуплю газетных рецензентов. Уж они Вам покажут <...>» (№3). А Европа превращается из «самого обширнейшего рынка распространения» идей имажинизма в соответствующий район, а не рынок. Иначе слишком явными становятся материальные трудности и книгоиздательские претензии Ордена, а для самих имажинистов напрашивается сравнение с торговцами.

Происходит отказ от привычной карнавальной поэтики имажинистов. Смех, безусловно, не исключается из их текстов, но он уже не главный герой. Физиологические вольности и самоирония остались в прошлом. Смех над имажинистами возможен теперь только с хвалебным оттенком. Например, приводя цитату из стихотворения Шершеневича, Есенин поясняет: «Это сказал В. Ш., по-английски он зовется В. Шекспир». Мариенгоф оставил этот отрывок при публикации, сочтя, видимо, шутку достаточно лестной. Он мог сделать и другие купюры в письмах Есенина, так чтобы основной темой стал смех, но публикатор идет другим путем.

Подчеркивается главная идея есенинских текстов — национальная тема, противопоставление России и Запада, русской души и западной бездуховности. Во всех трех письмах прослеживаются антизападные настроения Есенина: «Так хочется мне отсюда из этой кошмарной Европы обратно в Россию, к прежнему молодому нашему хулиганству и всему нашему задору. Там из Москвы нам казалось, что Европа это самый обширнейший район распространения наших идей в поэзии, а отсюда я вижу: Боже мой, до чего прекрасна и богата Россия в этом смысле. Кажется нет такой страны еще и быть не может»; «Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство зато у нас есть душа, которую здесь сдали за ненужностью в аренду под смердяковщину». В журнале эти идеи Есенина о «закате Европы» и гибели западной культуры, превращении ее в цивилизацию неоднократно затрагиваются другими авторами «Гостиницы».

Если сравнить два варианта писем — журнальный и авторский, — становится очевидным, что, несмотря на довольно незначительную редакторскую правку, опубликованные письма весьма сильно разнятся с их оригиналом. Письма Есенина очень личные, в них, помимо «записок путешественника» много шуток и дружеских издевок, понятных узкому кругу друзей, есть упоминания о житейских, будничных делах и т. д., а рассказ о Европе и о положении имажинизма на европейском литературном рынке носят частный характер. Вариант же, опубликованный Мариенгофом, несмотря на эксцентричность отдельных отрывков, больше похож на манифест, критическую статью или отчет корреспондента. Произошло смещение акцента: создается ощущение, что Есенин пишет письмо в редакцию «Гостиницы», коллегии

имажинистов, а не лично Мариенгофу. Если посмотреть на ответное письмо Мариенгофа, опубликованное во втором номере журнала, то оно, действительно, представляет собой обзорную критическую статью о современной русской литературе и искусстве (например, с программным для имажинистов разгромом ЛЕФа). Эпистолярный критический жанр не был выдумкой Мариенгофа. Вспомним, например, о «Письме в Пекин» Михаила Кузмина. Оригинальность идеи Мариенгофа заключается в том, что адресаты писем не вымышленные, а реальные люди, и переписка сохраняет личный, дружеский тон, что в один ряд поставлены литературные идеи имажинистов и события их личной жизни. Однако прошли времена, когда имажинисты «душ меняли белье исподнее» прямо на стенах Страстного монастыря. Теперь даже публикация частной переписки имажинистов должна была иметь свой особый смысл, помимо эпатажа, — встать на службу возрождения имажинизма. И, конечно, никакого исподнего белья на публике...

Приложение¹

№ 1. А. Б. Мариенгофу

Милый мой Толенок <Толик>! Я думал, что ты где-нибудь обретаешься в краях злополучных лихорадок и дынь нашего чудеснейшего путешествия 1920 г., и вдруг из письма Ильи Ильича узнал, что ты в Москве. Милый мой, самый близкий, родной и хороший, так хочется мне отсюда, из этой кошмарной Европы, обратно в Россию, к прежнему молодому нашему хулиганству и всему нашему задору. Здесь такая тоска, такая бездарнейшая «северянинщина» жизни, что просто хочется послать это все к этой матери.

Сейчас сижу в Остенде. Паршивейшее Бель-Голландское море и свиные тупые морды европейцев. От избытка вин в сих краях я бросил пить и тяну только сельтер. [*Очень много думаю и не знаю, что придумать*].

Там, из Москвы, нам казалось, что Европа — это самый обширнейший рынок <район> распространения наших идей в поэзии, а теперь отсюда я вижу: Боже мой! До чего прекрасна и богата Россия в этом смысле. Кажется, нет такой страны еще и быть не может. Со стороны внешних впечатлений после нашей разрухи здесь все прибрано и выглажено под утюг. На первых порах особенно твоему взору это понравилось бы, а потом, думаю, и ты бы стал хлопать себя по колену и скулить, как собака. Сплошное кладбище. Все эти люди, которые снуют быстрее ящериц, не люди — а могильные черви, дома их гробы, а материк — склеп. Кто здесь жил, тот давно умер, и помним его только мы, ибо черви помнить не могут.

¹ Письма Есенина в «Гостинице» опубликованы весьма неаккуратно. Здесь мы имеем в виду не мариеенгофскую правку, а несоблюдение есенинской орфографии, пунктуации, порядка слов в предложениях и т. п. Возможно, это объясняется небрежностью выпускающего редактора. В нашем приложении мы приводим только смысловые разночтения публикации писем в «Гостинице» и автографов (или, если автограф отсутствует, их рукописных копий, сделанных рукой С. А. Толстой). Исключение составляют только случаи «Пржебин <Гжребин>» (№ 1) и «Взвейтесь <Развейтесь>» (№ 3) как пример такой издательской небрежности. Основной текст писем приводится по изданию: Есенин С. А. Собр. соч. в 7 т. Т. 6. М.: 1997. С. 138 — 147. Текст, не вошедший в «Гостиницу», выделяется курсивом в квадратных скобках, а варианты текста — курсивом в треугольных.

Из всего, что я намерен здесь сделать, это издать переводы двух книжек по 32 страницы двух несчастных авторов, о которых здесь знают весьма немного и то⁺ <и то> в литературных кругах.

Издам на английском и французском. [*К тебе у меня, конечно, много просьб, но самая главная — это то, чтобы ты озаботился о Екатерине, насколько можешь. Тысячу приветов Давиду Самойловичу, и Сереже, и Кожебаткину, а Ваньке Старцеву сто подзатыльников.*]

Из Дюссельдорфа я послал письмо Сашке. Если у тебя с деньгами трудно, то ухвати его за полы и ограбь. Пересылать деньги отсюда при всех моих возможностях оказывается невозможно.]

В Берлине я наделал, конечно, много скандала и переполоха. Мой цилиндр и сшитое берлинским портным манто привели всех в бешенство. Все думают, что я приехал на деньги большевиков, как чекист или как агитатор. Мне все это весело и забавно. Том свой продал Гржебину <Гжребину>.

От твоих книг шарахаются. Хорошую книгу стихов <«Хорошую книгу стихов»> удалось продать только как сборник новых стихов твоих и моих. Ну да черт с ними, ибо все они здесь прогнили за 5 лет эмиграции. Живущий в склепе всегда пахнет мертвечиной. Если ты хочешь сюда пробраться, то потормоши Илью Ильича, я ему пишу об этом особо. Только после всего, что я здесь видел, мне не очень хочется, чтобы ты покинул Россию. Наше литературное поле другим сторожам доверять нельзя.

При всяком случае, конечно, езжай, если хочется, но скажу тебе откровенно: если я не удеру отсюда через месяц, то это будет большое чудо. Тогда, значит, во мне есть дьявольская выдержка характера, которую отрицает во мне Коган.

Вспоминаю сейчас о [*Клопикове и*] Туркестане. Как все это было прекрасно! Боже мой! Я люблю себя сейчас даже пьяного со всеми моими скандалами...

В Самарканд — да поеду-у я,
Т-там живет — да любовь моя...

[Черный Мартышан! Слышишь ли ты меня? Лучше жениться на «до ге» и ждать, когда придет потенция поцелуя, чем сидеть духовно здесь ради марингофских фонтанов, ну ее к черту, красоту смерти и смерда — мне, живому, пусть это будет даже рразз-гениально-о!]

Толя милый, приветы! Приветы!

Твой Сергун.

Остенд, июль 9. 1922.

№ 2. А. М. Сахарову

[Друг мой Саша! Привет тебе и тысячу поцелуев. Голубь милый, уезжая, я

¹ В автографе зачеркнуто. В собрании сочинений, по которому цитируется данный текст, это зачеркивание оговорено в примечаниях.

просил тебя помочь моим сестрам денежно, с этой просьбой обращаюсь к тебе и сейчас. Дай им сколько можешь, а я 3-го июля еду в Брюссель и вышлю тебе три посылки «Ара». Прошу тебя как единственного родного мне человека. Об Анатолии я сейчас не думаю, ему, вероятно, самому не сладко. Я даже уверен в этом.]

Родные мои! Хорошие!...

Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом?

Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет. Здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человека я пока еще не встречал и не знаю, где им пахнет. В страшной моде господин доллар, на искусство начхать — самое высшее мюзик-холл. Я даже книг не захотел издавать здесь, несмотря на дешевизну бумаги и переводов. Никому здесь это не нужно. *[Ну и ебал я их тоже с выскокой лестницы.]* Если рынок книжный — Европа, а критик — Львов-Рогачевский, то глупо же ведь писать стихи им в угоду и по их вкусу. Здесь все выглажено, вылизано и причесано так же почти, как голова Мариенгофа. Птички *[какают с разрешения]* и сидят, где им позволено. Ну, куда же нам с такой непристойной поэзией?

Это, знаете ли, невежливо так же, как коммунизм. Порой мне хочется послать все это к ебенейшей матери *<чорту>* и наострить лыжи обратно. Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину. *[Еб их проеби в распробу.]* Конечно, кой-где нас знают, кой-где есть стихи переведенные, мои и Толькины, но на кой *[хуй]* все это, когда их никто не читает.

Сейчас на столе у меня английский журнал со стихами Анатолия, который мне даже и посылать ему не хочется. Очень хорошее издание, а на обложке пометка: в колич. 500 экз. Это здесь самый большой тираж! Взвейтесь *<Развейтесь>*, кони! Неси, мой ящик... Матушка! Пожалей своего бедного сына...

А знаете? У алжирского бея под самым носом шишка?

Передай все это Клычкову и Ване Старцеву. Когда они будут ебунаться *<матюгаются>*, душе моей в тот час легче станет. Друг мой! *[Если тебя обо мне кто-нибудь спросит, передай, что я пока утонул в сортире с надписью на стенке:*

«Есть много разных вкусов и кусиков

.....»

Остальное пусть dokonчит Давид Самойлович и Сережа. Они это хорошо помнят. Передай им кстати мой большущий привет и скажи, что я пишу им особо.]

Твой Сергунь *<Сергун>*.

Гоголевская приписка:

Ни числа, ни месяца,
Если б *[хуй]* был большой,
То лучше б *[на хую]* повеситься.

№ 3. А. Б. Мариенгофу

Дура моя — Ягодка!

[ты тоже сволочь из сволочей. Как тебе не стыдно, собаке, — залезть под юбку и забыть самого лучшего твоего друга. Мартын — это одно, а я другое.] Дюжину писем изволил я отправить Вашей сволочности, и Ваша сволочность ни гу-гу. Итак, начинаю. Знаете ли Вы, милостивый государь, Европу? Нет! Вы не знаете Европы. Боже мой, какое впечатление, как бьется сердце... О нет, Вы не знаете Европы!

Во-первых, Боже мой, такая гадость однообразия, такая духовная нищета, что блевать хочется. Сердце бьется, бьется самой отчаяннейшей ненавистью, так и чешется, но, к горю моему, один такой ненавистный мне в этом случае, но прекрасный поэт Эрдман сказал, что почесать его нечем.

Почему нечем, <РАЗЗ-эт-твою>, я готов просунуть для этой цели в горло сапожную щетку, но рот мой мал, и горло мое узко. Да, прав он, этот проклятый Эрдман, передай ему за это тысячу поцелуев *[и скажи, что у такого юноши, как я, недавно оторвался маятник от циферблата живота. Часовой механизм попортился.]*

Да, мой друг рыжий, да! Я писал Сашке, писал Златому, и вы «ни тебе, ни матери».

Теперь я понял, понял все я.

Ах, уж не мальчик я давно.

Среди исканий Безпокоя <без покоя>

Любить поэту не дано.

Это сказал В. Ш., по-английски он зовется В. Шекспиром. О, я узнал теперь, что вы за каналы, и в следующий раз вам как в месть напишу обязательно по-английски, чтоб вы ничего не поняли. *[Да, напишу обязательно will have happy impression*

и подпишусь

Sergei Jessenin.

Что? Съели?]

Ну, так вот единственно из-за того, что вы мне противны, за то, что вы не помните меня, я с особым злорадством перевел ваши скандальные поэмы на англ и франц яз и выпускаю их в Париже и в Лондоне *[в кол 6000 экз. А чтоб вас больше оскандалить, подкупим газетных рецензентов. Уж они вам покажут е... в... м.....]*

В сентябре все это вам пригшлю, как только выйдут книги. *[Мил Государь! Прошу тебя не оставь втуне за Не.. бо.. просьб моей сестры. Делай ей гадости и словом и делом.]* Адрес мой для того, чтобы ты не писал:

Paris, Rue de La Pompe, 103.

[Где бы я ни был, твои письма меня не достанут.]

С. Есенин.